

ЖИТИЕ СВ. ИЗАБЕЛЛЫ ПОРТУГАЛЬСКОЙ

Салвадо Мартинш (?)

Пер. с порт. Livro que fala da Boa Vida que fez a Rainha de Portugal, Dona Isabel, & de seus bons feitos & milagres em sa vida & depois da morte / Coord. Maria José Azevedo Santos, António Manuel Ribeiro Rebelo, Francisco Pato de Macedo. — Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2025.

В переводе Константина Чарухина

КНИГА, ПОВЕСТВУЮЩАЯ о благочестивой жизни, каковую вела королева Португалии дона Исабель, и о ее благих деяниях и чудесах при жизни и после смерти, дабы не изгладилась со временем из памяти людской жизнь, которую провела в этом мире благороднейшая государыня дона Исабель, милостью Божией королева Португалии и Алгарве, а также праведная кончина ее; и дабы не забылись те дела, что Господь наш Иисус Христос совершил через нее при жизни ее и по отшествии из сего мира. Ибо ныне память о житии ее еще свежа, и живы многие достойные доверия мужи и жены, которые сами видели и пережили то, о чем будет сказано ниже.

И так как дела ее, труды и житие доподлинно известны каждому в Португалии, все это было записано без прибавлений и отступлений от истины.

Сия королева происходила из Арагонского дома, будучи дочерью короля дона Педро и королевы доны Констансы. Король же дон Педро был сыном короля дона Хайме и королевы доны Виоланты, дочери короля Венгрии. Этот король дон Хайме отвоевал у мавров Мальорку и Менорку, Ивису и Фронтейру, и Валенсию, и все королевство, что было им покорено; взял он и Мурсию, придя на помощь королю Кастилии. Королева же дона Констанса была дочерью короля Манфреда, каковой Манфред был сыном императора Фридриха. И еще будучи инфантом, король дон Педро прижил с инфантой доной Констансой многочисленное потомство. И были то сыновья: дон Афонсу, который после дона Педро правил и умер бездетным, и дон Хайме, который правил на Сицилии, а по смерти дона Афонсу стал править в Арагоне, и дон Фридрих, которого ныне зовут королем Сицилии, и дон Педро, умерший в Кастилии в ту пору, когда инфант дон Фернандо и дон Альфонсо де ла Серда вели войну против короля дона Фернандо Кастильского, ибо дон Альфонсо де ла Серда желал именоваться королем Кастилии, а дон Хуан — королем Леона. А также дочери: дона Виоланта, выданная замуж за короля Роберта, сына короля Карла и брата святого Людовика, бывшего епископом Тулузским; и сия дона Исабель.

Когда же сия дона Исабель появилась на свет, она родилась окутанной, обернутой и покрытой тонкой оболочкой, так что не было видно ни единого ее члена. Эту оболочку, или пелену, королева, матушка ее, повелела вложить в серебряный ларец и хранила тот ларец в одном из своих сундуков. А родилась сия королева дона Исабель в лето Цезарево тысяча триста девятое (1271 год от Р.Х.). И поскольку мать короля дона Педро была дочерью короля Венгрии и сестрой святой Елизаветы, новорожденной нарекли имя Исабель (Елизавета), ибо ей предстояло стать королевою Португалии.

В ту пору, когда она родилась, была великая распря между королем доном Хайме и инфантом доном Педро, его сыном и отцом сей доны Исабель; дошло до того, что король не желал видеть ни своего сына дона Педро, ни кого-либо из его детей. Однако еще при жизни короля дона Хайме родились все дети, что были у Педро. И выделил он сию дону Исабель, растил и горячо любил ее, не раз поговаривая, что эта его воспитанница и внучка станет лучшей из женщин, когда-либо вышедших из Арагонского дома. И в то же время случилось так, что инфант дон Педро примирился с королем доном Хайме, своим отцом.

По смерти короля дона Хайме воцарился король дон Педро. На Мальорке же стал править дон Хайме, брат короля дона Педро, ибо король дон Хайме еще при жизни отдал королевство Мальорку, графство Руссильон и сеньорию Монпелье этому своему сыну, рожденному после дона Педро. И рассказывала сия королева дона Исабель, что помнила, как, сопровождая короля дона Хайме в Поблет, где он избрал себе место для погребения, она видела, что вслед за ним шли два короля, его сына, и три королевы. То

были мать сей доны Исабель и королева дона Виоланта, жена короля дона Афонсу, сына короля дона Фернандо, отвоевавшего у мавров Севилью; другой же королевой была жена короля дона Хайме, которой досталось королевство Мальорка.

И когда дон Педро стал королем, в одно и то же время прибыли послы просить руки его дочери доны Исабель: просил ее король Англии, желая обвенчать со своим сыном-наследником; просили ее и за короля Роберта, с которым впоследствии обвенчалась дона Виоланта, сестра доны Исабель. Но слишком сильно отец любил дону Исабель и дорожил ею, а потому говорил, что ему тяжело отпустить ее от двора, видя, как преуспевает она в добрых делах и благочестии, и сколь сильно отличается от прочих девиц добротой и благонаравием. Упомянутая же дона Виоланта покинула сей мир прежде, чем Роберт стал королем, и оставила сыновей, коих звали дон Педро и дон Карл, герцог Калабрийский, и умерли они еще при жизни своего отца-короля. Люди же в стране считали, что король слушает дурных советов, желая удержать при себе дочь свою дону Исабель и не соглашаясь выдать ее за столь знатных мужей, искавших ее руки.

Так росла она при дворе своего отца после смерти короля дона Хайме, своего деда, и достигла девяти лет. И скончался в Португалии король дон Афонсу. Умер же сей король в шестнадцатый день февраля, в лето 1317-е (1279 год от Р.Х.). После его смерти воцарился король дон Диниш, его сын. Будучи королем, дон Диниш услышал о короле Арагона доне Педро, который в ту пору благодаря своим деяниям и ратным подвигам стяжал великую славу среди монархов мира. И было у него две законные дочери. Послал он к нему своих гонцов и доверенных лиц просить руки этой дочери, доны Исабель. И в ту пору, когда гонцы короля Португалии прибыли ко двору короля Арагона, там уже находились послы из Англии и от сына короля Карла, искавшие ее руки.

Рассудил король дон Педро так: кто просит руки его дочери, уже является королем, и дочь его покинет отчий дом с титулом королевы. Рассудил он также, что между королем доном Динишем и им нет близкого родства или иных кровных уз, которые по закону препятствовали бы этому браку, и для такого союза не потребуется папского разрешения (диспенсации). Таким образом, они могли вступить в брак беспрепятственно, подобно простым людям, чего не водилось при заключении королевских браков, ибо в большинстве своем монархи не могли сочетаться браком без особого разрешения. И не могла она выйти замуж ни за сына короля Англии, ни за сына короля Карла без дозволения Папы Римского, ибо состояли они в родстве. Оттого и тяжело ему было расстаться с дочерью.

От Бога исходило сие устройство для той отроковицы, которая уже в те годы разумела, как совершать молитвенное правило, как служить Господу постом и обильною милостыней и как сострадать всякому. Видела она, как ко двору короля, ее отца, спешат послы от монархов, просящих ее руки; и хорошо было не иметь ей кровного родства с тем, кто искал ее руки, дабы не нуждаться в папском дозволении.

И дал король согласие на ее брак с королем Португалии доном Динишем, и совершилось обручение через рыцарей-представителей, коими стали вассалы и уроженцы Португалии, присланные королем по такому случаю.

Был назначен день, когда королю Арагона надлежало отправить свою дочь к королю Португалии. В сопровождающие ей он дал епископа Валенсии, лучших рыцарей своей земли, а также множество благородных дам, девиц и иных женщин.

Отец и мать наделили ее богатыми дарами и великим множеством серебряных сосудов. Королю дону Педро казалось немислимым и тяжким отпустить из отчего дома ту дочь, которую он так горячо любил; он благоговейно верил, что само ее присутствие в доме привлекает на них многие милости от Бога. Он повторял это столь часто, что португальские посланники уже начали опасаться, как бы король вовсе не отказался отпустить инфанту.

В ту пору пылала великая война между королем Кастилии доном Альфонсо и его сыном, инфантом доном Санчо, который впоследствии взошел на престол. Поскольку король Арагона оказывал помощь инфанту дону Санчо, он опасался, что кастильский монарх попытается преградить путь его дочери. Поэтому дону Педро советовали отправить ее в Португалию морем. И вот, когда все приготовления к морскому плаванию были завершены, король-отец сказал ей: «Дочь моя! Бог, призвавший тебя к этому браку и сохранивший тебя, дабы ты покинула мой дом в королевском достоинстве, да соизволит уберечь тебя от любых преград на этом пути».

И так, от земель Валенсии начался ее путь в Португалию. Король вышел провожать дочь; он обнимал ее и горько плакал, приговаривая: «Видели ли вы человека столь безрассудного, который отсылает от себя ту, кого любит больше всего на свете, чтобы, быть может, больше никогда ее не увидеть?».

Множественно благословляя инфанту, он говорил: «Дочь моя, ты отправляешься в чужую землю. Но я знаю, что ты столь благоразумна и твердо наставлена в добродетели, что мне нечего больше тебе советовать. Ибо не встречал я создания твоих лет, столь совершенного и исполненного доброго разума».

Так расстался король дон Педро со своей дочерью. А многие знатные вельможи и рыцари Арагона и Каталонии сопровождали ее до самых пределов и владений Кастилии.

Когда инфанта вступила в пределы Кастилии, навстречу ей вышел инфант дон Санчо, ее двоюродный брат. Он оказал великие почести и ей, и ее свите и обратился к ней с такими словами:

«Кузина, ваш отец и мой дядя, дон Педро, оказывал и оказывает мне столь великую помощь, что нет в мире человека, который сделал бы для меня больше. Я бы сам отправился с вами и сопровождал вас в Португалию, но, увы, не могу, ибо ныне на меня обрушились тяжкие войны и заботы, так что я не смею покинуть этих мест. Но я отправлю с вами моего брата, инфанта дона Хайме. Как ваш кузен, он будет сопровождать вас до самой Португалии».

И сей инфант следовал с нею до самых земель Брагансы. По прибытии туда их встретили инфант дон Афонсу Португальский, брат короля дон Диниша, а также португальский граф, которого звали дон Гонсалу, и множество других рыцарей и прелатов, ожидавших свою королеву. Передав инфанту на попечение португальцев, дон Хайме повернул обратно в Кастилию.

Они же сопровождали ее в город Транкозу. Туда прибыл и король дон Диниш, и там состоялось венчание, после чего король назначил супруге челядь и земли.

И сия королева, вступив в брак, тотчас приступила к подвигам в служении Богу. Она разделяла свое достояние с неимущими, предавалась посту, оказывала милосердие и

сердечное сострадание к заблудшим и страждущим. Приобретя breviарий, она прилежала духовному чтению и неукоснительно вычитывала канонические часы и иные положенные молитвословия. Руки ее не знали праздности: она искусно низала жемчуг, подавая пример в достойных трудах и рукоделии своим придворным дамам и девицам. Юная королева управляла своим домом с таким поразительным благоразумием, какое сделало бы честь и зрелой жене двадцати пяти или тридцати лет.

Так она проводила свои дни. Из доходов с принадлежавших ей земель, а также из того, что даровал ей король, огромную долю получали бедняки и обездоленные, монастыри, святые затворницы, а также благородные девы и вдовы, впавшие в нужду и стыдившиеся просить о помощи.

Когда королеве исполнилось семнадцать лет, она родила дочь, дону Констансу, которую впоследствии выдали замуж за короля Кастилии дону Фернандо. В этом браке донна Констанса произвела на свет короля Кастилии дону Альфонсо, а также королеву Арагона дону Леонор, которая стала супругой короля дону Альфонсо, сына короля дону Хайме, брата упомянутой королевы Исабели. И эта королева, донна Констанса, скончалась еще в юных летах.

Случилось так, что спустя некоторое время после преставления донна Констанса, королева Исабель вместе с королем доном Динишем направлялась из Сантарена в Лиссабон. Когда она, миновав местечко Понтевал, подъезжала к селению под названием Азамбужа, за ней вдруг устремился некий отшельник, громко взывая: «Господа ради, молю вас, выслушайте то, что я хочу сказать!». Свита, окружавшая королеву, не желала подпускать его, но она повелела позволить ему приблизиться.

Тогда отшельник произнес во всеуслышание: «Государыня, королева донна Констанса, дочь ваша, уже не раз являлась мне во сне в той пустыни, где я подвигаюсь, и молила прийти к вам и передать, что она страдает в чистилище. Она просила вашей помощи, а помощь сия должна состоять в том, чтобы вы поручили целомудренному священнику в течение года ежедневно служить по ней мессу, принося на алтаре Жертву, как то установлено Святой Церковью».

Люди из свиты королевы принялись насмехаться над словами отшельника, говоря: «Уж если бы королева донна Констанса и могла кому-то явиться, неужели она обошла бы отца, мать или брата, чтобы явиться тебе?». Королева же стала расспрашивать, не знаком ли кому-то сей отшельник, но ей ответили, что никто его не знает и не ведаёт, где он обитает. Прибыв в Азамбужу, королева велела разыскать его, чтобы побеседовать с ним наедине, но его нигде не могли найти, и никто не знал, где он живет и где останавливается.

Королева поведала королю дону Динишу о явлении отшельника и о том, как после тщетно велела его искать. Выслушав ее, король рассудил, что следует исполнить то, о чем просил сей муж. Тогда королева призвала священника по имени Фернан Мендеш, о котором в народе шла слава, что он девственник от рождения, человек целомудренный и беспорочный. И повелела ему королева с того самого дня служить мессу об упокоении души королевы донна Констанса, своей дочери, ежедневно, пока не исполнится ровно год. И названный Фернан Мендеш исполнил это поручение.

По прошествии же года, когда король и королева находились в Коимбре, королева донна Констанса явилась ей ночью в видении. По словам королевы Исабели, дочь предстала

перед нею в белых одеждах и сказала: «Матушка-государыня, ныне я свободна от мук, кои претерпевала, и, непрестанно восхваляя Бога, отхожу в обитель, где нет места страданиям». Королева тотчас очнулась от этого видения и еще до рассвета рассказала королю о том, как ей явилась дочь.

А поутру, когда королева находилась в своих покоях, собираясь слушать мессу, к ней пришел тот самый священник, Фернан Мендеш, и сказал: «Государыня, по ком повелите мне служить отныне? Ибо год, в течение которого вы поручили мне возносить песнопения за королеву, вашу дочь, уже завершился». Королева же говорила, что в тот час, равно как и во время самого видения, она вовсе и не вспомнила о тех мессах, что повелела служить за упокой ее души. И тогда в тот же день, прозрев во всем этом волю свыше, она воздала хвалу Богу, повелела достойным священнослужителям отслужить благодарственные мессы и раздала милостыню.

Когда же королеве доне Исабели исполнилось двадцать лет, она произвела на свет сына, будущего короля Португалии дона Афонсу IV. Он родился в городе Коимбре восьмого дня февраля тысяча триста двадцать девятого года Испанской эры (1291 года от Р.Х.) и впоследствии царствовал после короля дона Диниша, своего отца. Будучи еще инфантом, он вступил в брак с королевой доной Беатрис, дочерью короля Кастилии дона Санчо и королевы доны Марии. Инфанту привезли в Португалию еще девочкой, и король дон Диниш вместе с королевой доной Исабелью воспитывали ее со всем тщанием, подобающим королевской дочери.

В то время как король дон Диниш и королева жили, соблюдая то, что подобает хранить в браке, некие люди, желавшие вовлечь короля в грех любодеяния, стали склонять его к распутству с иными женщинами и отвращать от супружеского ложа. И тогда он стал заводить наложниц и юных девиц, приживая от них детей. Королева же, будучи в ту пору еще молодой женщиной, зная о поступках короля, показывала всем своим видом, что не придает этому никакого значения. А когда ей доносили: «Ныне король взял себе такую-то наложницу», она, дабы показать, что нимало не заботится и не тревожится о подобных вещах, принималась молиться, читать духовные книги или же вести со своими дамами и девицами благочестивые беседы во славу Божию и на служение Ему.

Видя такое ее благоразумие и кротость, примечая, как таит она свою боль и печаль, не жалуясь, король дон Диниш стал тяготиться своим заблуждением и тем злом, что причинял ей. Он убоился Бога, ибо не хранил святости брака и закона, установленного Святой Церковью. И тогда король стал отвращаться от своего греха; если же порой и впадал в него, то скрывал это, как только мог, чтобы никто не узнал.

От тех связей у короля рождались сыновья и дочери. Королева же терпела их присутствие, повелевала приводить к себе, давала им пропитание и одежду и сама их воспитывала. Точно так же она заботилась об их кормилицах и воспитателях, оказывая всем им великие благодеяния и поддержку. И жители той земли не переставали дивиться, как могла она, будучи столь юна, обладать таким разумением и такой кротостью, не держа в сердце ни малейшей горечи или досады от того, что обычно приносит женщинам великую скорбь.

А после того как сия королева прибыла в Португалию, меж королем доном Динишем и его братом, инфантом доном Афонсу, разгорелась вражда. Король осаждал и захватывал некоторые селения, принадлежавшие инфанту. Видя сей раздор и зло меж братьями и дабы не допустить еще большей смуты и разорения страны, королева взялась за устройство мира. Сама, опираясь на своих советников, а также прибегая к

помощи прелатов и иных достойных мужей, она хлопотала о согласии между королем и инфантом, его братом. И дабы утвердились мир и единомыслие, она уступила королю город Синтру, которым владела от щедрот монарха, а король, в свою очередь, передал инфанту иные земли для его пропитания. Она добилась того, чтобы инфант принес присягу королю, став его вассалом, дабы отныне и впредь служить ему всякий раз, когда монарху потребуетя его помощь и служба.

И когда королева видела, что король гневается или ярится без должной на то причины, либо же по навету тех, кто желал зла кому-то из его вассалов или подданных, она всеми силами старалась открыть монарху правду и правоту невинного, отвращая его от гнева и ярости. Однако она весьма остерегалась просить или настаивать на прощении тогда, когда видела, что надлежит свершиться правосудию.

Точно так же, если меж некими достойными людьми королевства вспыхивали гнев или вражда из-за мирских дел или смертоубийства, она, сама и через других, трудилась над тем, чтобы они простили друг друга и достигли мира и согласия. И если виновные не могли возместить ущерб, она одаряла их из собственных средств, лишь бы привести их к миру и взаимной любви. Величайшую радость обретала она тогда, когда видела, как между людьми, питавшими друг к другу злобу и ненависть, будь то недавнюю или застарелую, исчезает вражда и возрождается любовь.

Вспыхнула великая вражда меж королем Кастилии доном Фернандо, зятем сей королевы, и королем Арагона доном Хайме, ее братом. Поводом к ней послужили некоторые земли, отвоеванные у мавров и находившиеся во владении короля Арагона, о которых король Кастилии заявлял, будто они по праву завоевания принадлежат ему. Король же Арагона утверждал обратное; были меж ними и иные распри да притязания.

Королева же дона Исабель размышляла о том, сколь великие беды и разорение несет сия война Испании, сколь много смертей и сколь многих безвинных жертв повлечет она за собой в королевствах Кастилии и Арагона, а также во многих иных смежных государствах и странах, и, понимая и страшась того, что если эта война и вражда затянутся, мавры, сии враги Католической веры, смогут вновь обрести силу и обратить ее против христиан. Тогда королева, дабы отвратить войну, что после вспышки распри разгорелась меж названными королями, приложив великие труды, сама и через иных лиц добилась того, что названные монархи Кастилии и Арагона избрали судьей в этом деле короля Португалии дона Диниша, поручив ему разрешить сей спор. Под страхом установленных кар они обещали подчиниться любому приговору, какой вынесет король Португалии, и любому решению, каковое он примет.

И отправились король дон Диниш, а вместе с ним и королева дона Исабель, в город Тарасону, во владениях короля Арагона, проехав через королевства Кастилии и Леона. И съехались в названном городе король Кастилии дон Фернандо вместе с королевой доной Констансой, его супругой, и королева дона Мария, мать короля дона Фернандо, и инфанты, и многие знатные вельможи Кастилии и Леона, и множество благородных дам.

Прибыли туда и названный король Арагона дон Хайме, брат сей королевы, и супруга его, королева дона Бланка, и многие знатные мужи и дамы Арагона и Каталонии. Король же дон Диниш встал меж ними, дабы рассудить их дела и утвердить мир, как то предписывало правосудие. Вначале он выслушал доводы короля Кастилии, коими тот подтверждал свои притязания. Затем он выслушал доводы короля Арагона, кои им противоречили. И, рассмотрев доводы обеих сторон, вынес он приговор сообразно с

тем, что находил правым. Так примирил он названных королей: исчезло всякое зло и вражда, что порождали их споры, а всякая ненависть и недоброжелательство канули в небытие, и с той поры пребывали они в дружбе.

И расстались в том месте короли великими друзьями, дав друг другу крепкие клятвы в дружбе и взаимной помощи. Каждый из них возвратился в свое королевство. Король дон Диниш и сия королева дон Исабель пробыли за пределами португальских владений, устраивая эти мирные договоры, с первого воскресенья июля, когда они покинули свою страну, и вплоть до праздника Рождества Пресвятой Богородицы в сентябре. На сей праздник в том же году вернулись они в Португалию, а шел тогда тысяча триста двенадцатый год Цезаревой эры (1274 год от Р.Х.).

Спустя некоторое время после возвращения из Арагона они справили свадьбу названного дон Афонсу, своего сына, и доны Беатрис, кои были еще инфантами. Сие венчание праздновали с великой пышностью в славном городе Лиссабоне. И вот, когда названный дон Афонсу, будучи еще инфантом, объезжал королевство, он по велению короля, своего отца, вместе с супругой остановился в городе Коимбре, намереваясь совершить паломничество к святому Викентию в Лиссабоне. Инфанту-супругу и сына своего, инфанта дон Педру, который к тому времени уже появился на свет, он оставил в Коимбре. Исполнив же свой обет и возвращаясь из Лиссабона, он направился в селение под названием Синтра. Король же, его отец, и королева, его мать, в ту пору ехали из Сантарена в Лиссабон, и король, как поговаривали, по чужому наущению замыслил захватить названного инфанта, своего сына. Об этом не знал и не ведал никто, кроме тех, кто был с ним в сговоре.

Когда названный инфант находился в Синтре, король, его отец, прибыл в Лумиар, что в одной лиге от Лиссабона. Узнав, что инфант пребывает в Синтре, он под покровом ночи отправился с большим отрядом в то место, где находился сын, предварительно повелев перекрыть все дороги и пути, которыми можно было туда добраться, дабы никто не прошел и инфант не смог узнать о войске, с которым тот шел. И хотя в ту ночь король спал там же, где и королева, он устроил все так, чтобы она не проведала, куда он замыслил отправиться, и отбыл столь скрытно, что она поняла всё и узнала о том лишь тогда, когда король уже давно был в пути.

Королева же, как только удостоверилась, что король глубокой ночью покинул стан, велела седлать коней. Взяв с собой вооруженных людей и рассудив, что король отправился не иначе как захватить инфанта, своего сына, она разослала столько вестников по стольким разным и окольным путям, дабы предупредить инфанта и уберечь его от встречи с отцом, что еще до прибытия короля в Синтру сын узнал обо всем, покинул то место и приехал туда, где находилась королева, его мать, с которой он уже давно не виделся.

И пока все это происходило, королева вместе со своими дамами затворилась в молельне; она повелела служить мессы, неустанно вычитывала канонические часы и пребывала в молитве. И благодаря ее проницательности и предпринятым ею шагам было отведено великое зло и беда, кои могли бы обрушиться на королевство Португальское, если бы королю удалось захватить сына. Ибо были с королем некоторые люди, которые, как говорили, желали погубить инфанта, и то, чего они не могли совершить своими руками, намеревались в ту ночь осуществить чужими — через короля. Королева же повелела сыну встретить короля уважительно, воздать ему почести и служить ему.

Спустя некоторое время, когда король дон Диниш находился в Сантарене, ему присоветовали удалить от себя королеву, отняв у нее города, поместья по всему королевству и все доходы. Советники внушали королю, что иначе невозможно будет утаить от нее никаких замыслов против инфанта. Они утверждали, что королева непременно расстроит их планы и предупредит сына, как это случилось недавно в Синтре, когда король намеревался его захватить. По их словам, если король лишит ее владений и доходов, она больше не сможет оказывать помощь инфанту и содержать его. Вняв этому совету, король сослал королеву в селение под названием Аленкер, отняв у нее все земли, города и доходы.

Королева же, будучи исполнена истинного послушания, кротко пребывала в том месте. И вот, португальские рыцари, присягавшие ей на верность и державшие для нее замки, узнали, что король лишил ее владений и удалил от двора. Они порешили поднять мятеж в своих крепостях и дать ей там убежище. Некоторые из них прибыли в Аленкер и сказали, что до них дошли слухи о ее изгнании и лишении имущества, и они пришли узнать, правда ли это. Удостоверившись во всем, они предложили ей укрыться в их замках, обещая начать войну в отместку за то, что с ней сотворили.

Она же отвечала им с великой кротостью, что почитает за благо исполнять всё, что повелит король. Раз ему угодно, чтобы она находилась здесь, то угодно и ей, а когда на то будет его милость, он призовет ее к себе и вернет все владения.

Многих же из тех, кто жил от ее щедрот и служил при ее дворе, весьма огорчало, что королева не желает ни дозволить, ни приказать начать войну. Видя, как безропотно она сносит обиду, они сочли, что подобное бездействие умаляет ее честь. Они принялись уговаривать ее дозволить поднять восстание в замках, утверждая, что так она куда быстрее вернет себе земли, отнятые королем.

Но на их уговоры она отвечала, что лучше ей самой терпеть лишения и сносить нанесенную обиду, нежели дозволить развязать войну. Ибо если начнется смута, множество безвинных людей претерпят великий урон и погибнут, лишившись и имущества, и самой жизни. Посему она строго-настроено запретила рыцарям, державшим замки, братья за оружие.

Пока же королева пребывала в том месте, она призвала к себе благочестивых дам, которые, как она знала, ведут добродетельную жизнь. Там она предалась строгим подвигам воздержания, три дня в неделю соблюдая пост и лишая себя всего, помимо хлеба. Все время она посвящала чтению духовных книг и неустанной молитве. И пробыла она в Аленкере до тех пор, пока король, узнав о столь великом ее смирении и кротости, не послал за ней.

Вскоре вновь вспыхнула вражда меж королем и инфантом, его сыном. Король отправился осаждать город Коимбру, который инфант удерживал для пропитания своего и своих людей. Когда в том месте сошлись король и инфант, а с ними и большая часть благородных мужей, бывших тогда в Португалии (одни на стороне короля, другие — инфанта), стране был нанесен великий урон. Прибыла туда и сия королева. Скорбя сердцем о столь великой расправе меж отцом и сыном и о жестоком разорении, коему подверглась страна, она затеяла переговоры и добилась того, что монарх снял осаду и удалился в Леирию, а инфанта убедила отправиться следом, дабы предстать перед отцом. Она склонила сына воздать королю те почести, кои сын и вассал обязан воздавать своему отцу и государю, короля же умолила выделить инфанту доходы, подобающие его положению.

Так, благодаря королеве, они примирились и разошлись с миром. Ее трудами и заступничеством было предотвращено великое кровопролитие и разорение, от которого страдали многие в королевстве. Король же, видя столь великую кротость королевы и ее благие дела, возвратил ей все поместья, города и доходы, которые отнял у нее ранее, как о том было сказано выше.

Но спустя некоторое время те, кто стоял у истоков прежней вражды меж королем и сыном, будучи недовольны их миром и согласием, вновь посеяли между ними раздор. Случилось так, что инфант пожелал направиться туда, где находился король. Монарх же, пребывая в двух лигах от Лиссабона, не желал позволять ему этот путь. Войска сошлись в местечке под названием Лореш, на пути к Лиссабону. Воины инфанта рвались в город, а люди короля преграждали им путь. Встали войска короля, а напротив них — инфанта. И вот уже сошлись они лицом к лицу, и пешие ратники принялись осыпать друг друга камнями и дротиками, и падали меж рядами убитые и раненые.

Сия королева, видя, в какой страшной опасности находятся король, ее супруг и государь, и инфант, ее сын, возжелала предотвратить великую гибель сошедшихся там людей, каждый из которых пришел служить своему сеньору. Столь велики были ее скорбь и любовь, что она въехала верхом на муле прямо в гущу битвы, меж сшибающимися рядами. Никто не вел ее животное под уздцы, и ни единый человек, ни муж, ни жена, не осмелился последовать за ней из страха перед летящими отовсюду снарядами. И хотя, пока она ехала, воины не переставали метать камни и дротики, Бог, Которому она служила, изволил охранить ее так, что она не получила ни единой раны и никакого иного вреда. Подъехав к королю, она тотчас устремила от него к инфанту, и так ездил от одного к другому, покуда не добилась того, что инфант пошел целовать руки отцу, а король благословил сына. И расстались они в тот день друзьями. Так, по милости Божией, в тот день благодаря сей королеве многие португальцы были избавлены от верной смерти и разгрома.

Живя в браке с королем, своим супругом, сия королева проводила дни и устраивала свою жизнь следующим образом. Ежедневно она прочитывала канонические часы, часы Пресвятой Богородицы и часы об усопших, а также совершала память многих святых. Она выходила в собственную молельню, богато и со тщанием убранную, которую возила с собой. Там ее капелланы и священники, коих она держала при себе и которые умели благообразно служить и петь, совершали торжественную мессу по уставу Святой Церкви, коей пристало служить мессы в каждый день года. К сей мессе она приступала с величайшим смирением, преклоняя колени перед служащим священником и целуя его руку, и каждый день приносила от своих щедрот некоторое пожертвование, увеличивая его по праздникам и особым дням. Позднее, в час вечерни, приходили священники и читали вечерние молитвы в ее присутствии. Если же служили вечерню в честь святого, которому по церковному уставу полагалось чтение девяти паремий, то вечерню исполняли распевом и по полному чину.

В ту пору королева соблюдала пост три дня в неделю, а также в кануны праздников святых, в Адвент и в Великий пост. Так она предавалась воздержанию и посту более чем три четверти года, и постилась бы еще строже, если бы король не корил ее за это и не запрещал изнурать себя. Пост же ее был таков: она постилась от праздника Иоанна Крестителя вплоть до Успения Богородицы в августе; соблюдала так называемый Ангельский пост, длящийся от Успения до праздника святого Михаила в сентябре; постилась в Адвент и Великий пост. По пятницам, субботам, в навечерия апостольских

и Богородичных праздников, а также во все дни Пресвятой Богородицы в течение года, равно как и в кануны дней памяти святых, к коим она питала благоговение и по коим творила бдение, она вкушала лишь хлеб и воду.

Путешествуя по королевству, она посещала любые святые места и церкви, где, как ей было ведомо, обитали монахи или монахини, ведущие благочестивую жизнь. И много раз ходила она к отдаленным церквям пешком, жалую им всё необходимое. И в какое бы место она ни прибыла, не было там такого бедняка, который не получил бы от нее милостыни. Зная, что она будет подавать милостыню при переездах из одного места в другое, множество мужчин, женщин и детей усаживались вдоль дорог, на въездах в города и селения, чтобы получить сие подавание. И сколь бы много их ни было, никто не уходил с пустыми руками: она строго повелевала не скупиться тем, кому было поручено раздавать милостыню. И даже многие из тех, кто не испытывал острой нужды, садились там вместе с бедняками, чтобы получить из ее рук подавание, питая к ней великое благоговение. Многим нищим, встречавшимся ей в пути, она приказывала давать одежду; в своем доме она навещала больных, без всякой брезгливости возлагая на них руки и приказывая заботиться о них сообразно их недугам или нуждам.

В каждый Великий пост она творила особые милостыни людям стыдливим, скрывающим свою нужду. А в Великий Четверг она омывала ноги прокаженным беднячкам и целовала их. Ради любви Божией она одевала их в туники, верхние платья и накидки из грубой шерсти, одаривала обувью и поясами. В тот же день она приглашала к себе одного священника и одного прокаженного — самых бедных, кого только могли сыскать, — и также наделяла их одеждой. В последующую Великую Пятницу она сама облачалась в одежды весьма скромные и грубые для ее положения. Выслушивая часы и проповедь о Страстях, она преисполнялась великой скорби и горести, вспоминая о смерти Господа нашего, которую Он принял за нас, грешных, и повелевала в тот день раздавать щедрую милостыню.

Она весьма часто исповедовалась своим духовникам и никогда не упускала случая, чтобы в праздники Рождества, Пасхи и Пятидесятницы с великим смирением и благоговением причаститься Тела Господа нашего. Каждый год она выдавала установленное количество мер пшеницы из своих житниц монастырям, бывшим в Португалии: братьям-проповедникам, меньшим братьям, августинцам и кармелитам, сообразуясь с их нуждами и положением обители. Подобным же образом получали от нее помощь и монахини некоторых орденов, если она видела, что ее милостыня им необходима. Посещая селения, она жертвовала монастырям средства на их нужды и на пропитание; то же самое она делала для многих монахов и монахинь из обителей за пределами Португалии, приходивших к ней просить подаяния. И множество иноков как в Португальском королевстве, так и за его пределами, из года в год получали от нее милостыню на покупку одежд.

Свое достояние она разделяла не только с нищими, но щедро одаривала и многих иных людей. Она говорила, что порой подать тем, кто с виду не нуждается, бывает куда нужнее, нежели иным беднякам.

Когда люди, коим было поручено раздавать ее милостыню, странствовали по селениям Португальского королевства, они доносили ей, что встречаются им девицы из хороших семей, а также иные молодые и бедные девушки, кои, терпя крайнюю нужду и не имея во что одеться, могут впасть в грех и погубить себя. Услышав о том, сия королева приказывала брать отрезки сукна, призывала к себе какую-нибудь почтенную даму из того селения, пользовавшуюся ее доверием, и поручала ей раздавать эти ткани

девицам, имевшим, по ее мнению, нужду в них. И творила она сие втайне, как о том ведомо некоторым мужам и женам из ее свиты. Многих она наделяла приданым из своих средств, дабы они могли выйти замуж и не осквернили свои тела из-за нищеты. И где бы она ни проезжала, видя, что закладывается церковь или странноприимный дом, возводится мост или обустраивается источник, она непременно желала пожертвовать от своих щедрот на их устройство, дабы стать сопричастницей всякому благому делу.

Некая благородная дама по имени Беренгария Айреш основала женский монастырь цистерцианского ордена близ Сантарена, в местечке, именуемом Алмоэштер. Однако прежде чем сия обитель была достроена, благочестивая основательница преставилась. Зная о том, как горячо сия королева желает послужить Богу и как охотно она поддерживает любые благие начинания, эта дама перед смертью возложила надежды на то, что королева доведет начатое ею дело до конца. Она молила королеву проявить милосердие и принять сию обитель под свое покровительство, пожертвовать от своих щедрот, дабы монахини, подвизающиеся на той горе, могли лучше служить Богу, а обитель сия росла и процветала.

Дабы продолжить дело, начатое во славу Божию, сия королева после смерти той дамы взяла монастырь на свое попечение. На собственные средства она возвела клуатр, лечебницу и иные монастырские постройки. Она нередко навещала монахинь, одаривая их из того, что имела, и щедро подавая им милостыню согласно их нуждам.

Подобным же образом некая благочестивая дама по имени Мор Диас начала возводить обитель для монахинь ордена святой Клары. Там уже были построены дома и молельня, когда сия Мор Диас преставилась. Тогдашний приор монастыря Св. Креста в Коимбре заявил, что названная Мор Диас была монахиней, принесшей обеты в его обители, а потому и земля, где она начала строительство, принадлежит монастырю, в коем она принимала постриг. Тяжба пред судьями, назначенными Папой для разбора сего дела, затянулась столь надолго, что немногие находившиеся там сестры были изгнаны, а дома с прилегающим участком по велению приора Св. Креста подверглись разорению. С той поры постройки сии опустели, и место, предназначенное для служения Богу, превратилось в притон для бесстыдных и явных распутников и блудниц.

Видя таковое запустение и скорбя сердцем, королева замыслила воздвигнуть на том месте во славу Божию церковь и обитель ордена святой Клары и выкупила те земли у их владельцев. Приобретя также окрестные владения по особому дозволению и указу Папы, она повелела заложить церковь во имя Бога и Преславной Девы, Его Матери. При закладке фундамента и начале строительства собрались прелаты, а также множество духовных и светских лиц, и сама королева собственными руками вместе с епископами положила первые камни в основание храма.

Дабы обитель сия была утверждена монахинями праведной жизни, глубоко сведущими в уставе ордена святой Клары, которые могли бы наставить приходящих после них сестер и стать для них примером, королева послала в Самору за одиннадцатью инокинями, славившимися благочестием. Ибо в ту пору поговаривали, что ни в одном другом монастыре сего ордена в Испании не было монахинь столь строгой жизни, так свято соблюдающих свой устав. По указу и с дозволения своих настоятелей они покинули свою обитель, и в Коимбру их сопровождали меньшие братья во главе с тем, кто в ту пору был министром провинции Сантьяго.

Когда же королева узнала об их приближении, она вместе с инфантом, своим сыном, выехала навстречу на расстояние доброй лиги, дабы сопроводить сих бедных сестер и воздать им почести. И столь велико было смирение сей государыни, что она ехала с ними рядом до самого места, где начала возводить свой монастырь.

Водворив сестер в тех первых постройках, королева повелела начать каменные работы при церкви и заложить фундаменты для сестринских жилищ, подобающих такому месту. С того времени обитель стала шириться день ото дня. Многие дочери рыцарей и иных достойных мужей принимали там постриг; королева назначила туда капелланов и начала приобретать земли для пропитания инокинь. Для себя же и для своего двора она взяла двух престарелых монахинь, кои не давали обета строгого затвора, дабы они отныне и впредь повсюду сопровождали ее.

В бытность сей королевы жил в Гуарде епископ по имени дон Мартинью. В селении Сантарен он начал возводить приют во имя святых Невинных Младенцев, дабы воспитывать там подкидышей. Чувствуя же, что дни его подходят к концу, сей епископ стал умолять королеву принять тот приют под свое покровительство и попечение. Он просил сделать это ради служения Богу, чтобы начатое им дело не погибло, а приют не отдали под иные нужды. И королева, дабы послужить Господу, даровала епископу то, о чем он просил.

По смерти же епископа она взяла приют и его имущество под свою защиту и повелела снабжать его всем необходимым. И если епископ завещал, чтобы при том приюте собирали приданое для девиц, то королева после его кончины повелела принимать туда и спасать всякого младенца, коего подкинут или оставят в том месте. Она приумножила владения и доходы и строения приюта, повелев растить там детей и содержать некоторых бедняков, коим давали пищу и одежду. Всякий раз, прибывая туда, она велела приводить к себе всех воспитывавшихся там мальчиков и девочек, в том числе самых малых подкидышей, а также их кормилиц. Она усаживала их за своим столом и сама оделяла пищей от своих щедрот.

Когда же дети подрастали и крепили, королева приказывала отдавать их в ученье к мастерам. А с той поры, как они овладевали ремеслом, коим могли в достатке добывать себе пропитание и одежду, приют переставал их содержать. Однако королева строго заповедала: если кто-то из них, живя уже своим трудом, заболит и не найдет средств на пропитание в недуге и вернется больным в этот приют, где вырос, надлежит принять его и обеспечить всем необходимым согласно нуждам. Ибо, как она говорила, отдавая сей приказ, эти дети, выросшие в приюте, не знают ни отцов своих, ни матерей, ни сродников. А потому справедливо, чтобы в час нужды они находили прибежище в том самом месте, что стало им вместо матери.

При жизни королевы сия обитель милосердия процветала под ее опекой. И где бы государыня ни узнавала о благородных дамах или иных женщинах, впавших из богатства в нищету, королева втайне посылала им от своих средств всё нужное для пропитания.

В ее доме воспитывались дочери многих знатных мужей, а также сыновья рыцарей и иных достойных людей. Когда девушки достигали должного возраста и находились равные им по положению женихи, она выдавала их замуж; иных же — только тех, кого Бог призывал — отдавала в монастыри, наделяя их из своих средств согласно их положению и избранному пути. Многим людям не из ее свиты, просившим о помощи, она давала средства на устройство браков их детей или на иные нужды. Она повторяла,

что порой те, кто с виду имеет всё необходимое, нуждаются в пособии для поддержания жизни куда больше, нежели те, кто кажется заведомо нищим и обездоленным. И куда бы она ни прибыла, ни затворницы, ни прокаженные, ни узники не оставались без толики ее милостыни.

Творя все сии дела с неизменным стремлением служить Богу в браке и посвящая бóльшую часть времени слушанию церковных служб, молитве и богомыслию, она дожила до того времени, когда король дон Диниш занемог весьма тяжким и затяжным недугом. Покуда у нее хватало сил и покуда король дозволял, она ухаживала за ним так же преданно, как любая простая женщина, которой не на кого переложить заботы, прислуживает своему мужу. Во время его болезни она со всем тщанием исполняла долг жены перед супругом, но угодно было Богу, чтобы король дон Диниш завершил свои земные дни. Преставился же он от сего мира в замке Сантарена в восьмой день января тысяча триста шестьдесят третьего года Испанской эры (1325 года от Р.Х.). В тот самый час, как король испустил дух, королева удалилась в свои покои и из рук посвященной инокини приняла облачение ордена святой Клары. Она сопровождала останки короля в монастырь Одивелаш, основанный сим монархом для монахинь цистерцианского ордена, где он заранее приготовил себе гробницу. Исабель стала его душеприказчицей и пробыла там некоторое время, творя щедрые милостыни за упокой души короля и заказывая множество месс, кои служили иноки и священники.

Не прошло и года со дня кончины короля, как сия королева, никому не открывая своих намерений, отправилась в паломничество к храму, где покоятся мощи апостола Иакова. Свой путь она хранила в такой тайне, что люди из ее свиты несколько дней не ведали, куда она держит путь. Приблизившись к Сантьяго на расстояние одной лиги от города, откуда уже виднелась церковь, она с великим благоговением пошла к храму пешком. Случилось это в июле, за несколько дней до праздника святого Иакова, и она осталась там на торжества. В день праздника, когда архиепископ служил мессу, королева пожертвовала апостолу Иакову самый благолепный венец из всех, что имела, украшенный множеством драгоценных камней. Она отдала самые прекрасные и богатые одежды, расшитые крупным жемчугом, самоцветами и перьями, кои носила в бытность супругою короля, а также роскошную и драгоценную попону из самых дорогих тканей; и все присутствовавшие там говорили, что никогда не видывали, чтобы королева или иная госпожа приносила столь благолепные дары. Мул ее был взнуздан уздой, сплошь сделанной из золота, серебра и драгоценных камней. Она пожертвовала розовые шелка с отливом, расшитые гербами Португалии и Арагона и усыпанные жемчугом, а также весьма благолепные, искусно сделанные чаши, из которых пила при жизни короля. Она также привезла готовые облачения: ризу и далматику для дьякона, весьма богатые, добротные и со всеми подобающими принадлежностями.

Принеся сии дары апостолу Иакову, она также сотворила от своих щедрот столь великие приношения и милостыни, что клирики храма Сантьяго говорили, будто на памяти ныне живущих ни один человек не приносил в их церковь столь благолепного и богатого подношения. По завершении паломничества местный архиепископ вручил королеве посох и суму, дабы с этим посохом и сумой она предстала истинной паломницей святого Иакова. Так она повернула обратно в Португалию. И люди из всех окрестных земель, через которые пролегал ее путь, по доброй воле выходили на дороги и в селения, желая увидеть ее и послужить ей ради добродетели ее, о которой они были наслышаны.

В ту пору королем Кастилии и Леона был уже дон Альфонсо, ее внук, сын короля дона Фернандо и королевы доны Констансы, дочери сей королевы Исабели. И жители укрепленных городов и селений в землях кастильского короля радушно принимали ее вместе со свитой; и хотя с ней следовало весьма многочисленное воинство, они не страшились пускать ее к себе, зная ее добродетель, а также потому, что она была бабушкой их государя.

В день годовщины кончины монарха сия королева отправилась в монастырь Одивелаш, дабы совершить годовое поминовение. Туда же прибыл король дон Афонсу, ее сын, вместе с множеством прелатов и достойных мужей, коим покойный король дон Диниш оказал немало милостей. И собрались там клирики и иноки, и отслужили заупокойное богослужение весьма торжественно, как то и подобало свершать по столь великому государю.

Завершив сие, она вернулась в Коимбру, дабы довести до конца устройство начатого ею монастыря. Она повелела отобрать все золотые и шелковые ткани, коими владела в бытность замужней государыней, а было их великое множество и весьма богатых, и сшить из них богослужебные облачения и храмовые убранства. Освятив готовые одеяния, она раздала их многим храмам Португалии, одаривая каждую церковь или обитель сообразно ее значению, заслугам и нуждам, о коих ей было ведомо. Из большей же части золота, что у нее оставалось, она повелела изготовить потиры, кресты, кадила и лампы. Часть сей священной утвари она поместила в свой монастырь, прочее же раздала иным церквам сообразно их нуждам. Короны же и некоторые иные драгоценности она разделила между королевой доной Беатрис, супругой короля, ее сына, и своими внучками: королевой доной Марией Кастильской и королевой доной Леонор Арагонской, а также прочими своими сродниками.

Затем она призвала каменщиков и плотников и повелела им возвести в том монастыре заложенную ею церковь, а также приготовить для себя гробницу. Кроме того, на свои средства она начала строить подле монастыря добротные жилища для себя и своей свиты, кои были завершены в скором времени. Она устроила свои покои в том месте намеренно, дабы иметь возможность чаще навещать монастырь и сестер, а также присматривать за работами, кои она повелела исполнить. Ибо все постройки возводились в точности по ее замыслу: она столь мудро рассуждала и отдавала приказы, что мастера, коим она поручала работы, непрестанно дивились ее великому разумению и распорядительности.

Еще при жизни короля, своего супруга, сия королева возводила для монарха великолепные дворцы, а также иные благолепные постройки в тех селениях, коими она владела.

Государыня не желала уезжать из Коимбры в иные места, ибо намеревалась довести до конца начатое ею строительство. Она непрестанно приумножала владения и имущество монастыря и принимала в обитель новых сестер из тех, кто по собственной воле желал посвятить себя служению Богу. И именно в этой обители она решила проводить свою жизнь.

У сей королевы была на выданье племянница, богатая госпожа; и сия племянница вместе со своими девицами, столь же богатыми и знатными, а также другими енщинами изволили избрать для себя иной путь и уйти в затвор в той самой обители, дабы служить Господу. Королева же некоторое время держала их при себе после того, как они объявили о своем намерении, дабы испытать их и проверить, твердо ли их

призвание. И поскольку они не изменили своему намерению и обету, то приняли постриг в том монастыре в Вербное воскресенье, в присутствии короля, ее сына, и королевы доны Беатрис, его супруги, кои оказали великие почести сей богатой госпоже, бывшей воспитанницей королевы Исабелы. Впоследствии сия племянница королевы стала второй аббатисой того монастыря. Звали ее дона Исабель де Кардона, ибо была она дочерью дона Рамона де Кардона и доны Беатрис, сестры сей королевы, которую король Арагона дон Педро, отец королевы Исабель, прижил от арагонской инфанты.

Кроме того, пред своими покаями, кои сия королева повелела возвести для себя и своих приближенных, она построила часовню, устроила кладбище при ней и богадельню, куда поселила пятнадцать бедных мужчин и пятнадцать бедных женщин; причем мужчин она разместила отдельно в одном доме, а женщин — в другом. Часовня стояла посередине между этих жилищ. Этим беднякам она положила выдавать определенное пропитание: хлеб, вино, мясо и рыбу сообразно дню, а также снабжать их постельным бельем и одеждою на каждый год. И заповедала она, чтобы каждый день насельники приходили слушать канонические часы в ту часовню, где служили назначенный ею капеллан и его помощник, коим надлежало неотлучно пребывать при ней, а сию часовню и кладбище повелела освятить. Королева часто приходила навещать тех, кто занемог в этой богадельне, и сама подавала им пищу.

Когда же церковь монастыря была достроена и перекрыта сводами, королева велела установить гробницу, кою заранее приготовила для своего погребения, посреди храма. И поскольку сия гробница была весьма велика, а решетки, устроенные вокруг нее, занимали значительную часть храма, то церковь оказалась весьма стеснена.

И в то время, когда сия гробница находилась в храме, случилось в Коимбре великое наводнение. В восемнадцатый день февраля тысяча триста девятнадцатого года Испанской эры (1281 года от Р.Х.; *прим. ред.: вероятно, ошибка переписчика вместо 1369 года эры, то есть 1331 года от Р.Х.*) воды реки Мондегу, огибающей город Коимбру, ворвались в ту церковь; притом никто из живших тогда людей не помнил, чтобы вода когда-либо поднималась до этого места или чтобы река столь сильно разливалась. И так много речной воды хлынуло в храм, что гробница та скрылась под водой.

Королева же, видя, что река достигла сего места, и заметив, что из-за расположения гробницы храм стеснен, тотчас повелела устроить посреди сей церкви (высота коей то позволяла) на арках приподнятую часовню, дабы устроить там хоры для сестер. Она повелела сделать широкую перегородку между хорами и часовней и перенести наверх свою гробницу, стоявшую внизу, а также поставить там гробницу инфанты доны Исабель, своей внучки, которую она воспитывала и которая преставилась в ее доме. Также она повелела устроить алтарь, поставить образа и седалища для клириков и иных людей, коим надлежало приходить туда слушать или совершать канонические часы.

И так из-за воды, проникшей в храм, ныне в сей церкви есть два придела и двое хоров; и все сочли, что на то была благая воля Божия, попустившего воде проникнуть в храм, куда она прежде никогда не добиралась. И епископ Коимбры дон Раймундо освятил сию церковь, часовню, устроенные в ней алтари, а также внешнее кладбище.

Когда церковь и dormitorio были завершены, королева повелела перекрыть сводами клуатр и возвела прекрасные и благолепные покои. Для трапезной, dormitorio, лечебницы, клуатра, поварни и всех прочих служб, необходимых в обители, она

устроила всё подобающим образом и повелела обнести весь монастырь высокой стеной.

И советовалась она со своими духовными отцами о спасении души своей, говоря, что желает поселиться в этой обители, принять строгий затвор и оставить всё мирское. Но они отговаривали ее, уверяя, что за принятие затвора она не обретет на небесах столь великой мзды, какую стяжает, поддерживая множество людей. Ибо те, кто жил за ее счет за пределами ее дома, остались бы без помощи и заступничества. Если же она затворится в монастыре, отрехшись от всех принадлежащих ей земных благ, то многие впадут в крайнюю нищету, и она уже не сможет прийти к ним на помощь.

Завершив же строительство монастыря, она вознесла благодарение и хвалу Богу, Который явил ей в этом мире многие Свои великие милости и благоволил, чтобы начатое ею во славу Его дело пришло к завершению еще при ее жизни.

По завершении же трапезной, в самый первый день, когда сестры собрались там, сия королева вместе с королевой доной Беатрис, супругой короля, ее сына, пришла разделить с ними пищу, предварительно получив особое дозволение от Папы Римского входить в иноческую общину в монастыре сестер святой Клары.

А когда монахини садились за столы, обе королевы сами отправлялись на поварню, брали кушанья и подавали их сестрам. И делали сие знатные государыни с великим смирением, разумея, что тем самым служат Господу, угождая тем женам, кои ради любви к Нему оставили мир и изволили прийти сюда, дабы служить Ему в строгом затворе.

Сестер же сего ордена в той обители было уже более пятидесяти. И королева часто бывала среди них по упомянутому дозволению, что уделил ей Папа, и повелела устроить для себя келью у самых ворот монастыря. Туда королева время от времени приходила из своих покоев, оставаясь там по нескольку дней; молилась вместе с сестрами обители, делила с ними труды и находила великую радость в их обществе. Она укрепляла их дух, призывая непрестанно пребывать в служении Богу, Чьими невестами они стали, и находила для них многие иные благочестивые слова, каковые умела говорить с великим разумением.

Когда королева овдовела, она проводила время следующим образом. Она постоянно держала при себе пять сестер ордена святой Клары, умевших читать и молиться; поднималась на рассвете и вместе с сими сестрами благоговейно и чинно вычитывала утреню, согласно обычаю Римской Церкви. По окончании утрени они вычитывали первый час, а когда восходило солнце и наступал ясный день, подготавливали переносной алтарь, который она всегда возила с собой, обращая свои покои в молельню, и там с великим благоговением слушала пение мессы.

Выслушав мессу, она переходила в свои палаты, где была устроена часовня. Там ее уже ожидали капелланы и клирики, готовые начать службу, а также придворные дамы, девицы и прочие женщины из ее дома. Капелланы и клирики тотчас начинали мессу об упокоении души короля дона Диниша. По окончании заупокойной мессы все клирики возглашали респонсорий по королю, и все присутствовавшие совершали молитву о покойном государе. После сего клирики приступали к совершению второй мессы, сообразно празднуемому в тот день событию церковного года.

Когда же сии мессы завершались, и клирики дочитывали положенные дневные часы, королева вместе с инокинями принималась молиться: вместе они вычитывали третий, шестой и девятый часы. В праздничные же дни пред молитвой она выслушивала проповедь. По окончании всех служб и часов, когда день уже клонился к полудню, она шла вкушать пищу.

Отобедав, она приглашала к себе тех, кому было поручено заведовать ее строительными работами, дабы узнать, как подвигается дело, и распорядиться обо всем подобающим образом. Также она разбирала прошения, что ей приносили. Большая часть прошений содержала мольбы о милости: от духовных и мирских лиц, от богатых и бедных. Она велела оделять просящих из ее собственных средств и выдавать зерно из своих житниц тем, кого почитала достойными, вникая во все со тщанием. Ибо, прежде чем одарить просителей, она непременно разузнавала, что это за человек и каковы его нужды, к какому ордену принадлежат монахи и много ли их, и сообразно их положению, нуждам и значению определяла меру помощи.

Сия королева неустанно совершала три дела милосердия духовного. Первое — она помогала нуждающимся и нищим щедрой милостыней. Второе — если кто-либо давал ей повод для гнева, она тотчас прощала обиду и не требовала возмещения. И сие было дивно, ибо никто никогда не видел ее во гневе. Третье — ее трудами многие грешники обращались к покаянию. Она стремилась обратить к покаянию блудниц, обличая их в грехе; она снабжала их одеждой и деньгами, а также намеревалась устроить для них приют. Она даже повелела выстроить для них дома в Коимбре, но поскольку некоторые из них оставались при своем постыдном ремесле, она приказала содержать их в своем селении Торреш-Новаш, дабы уберечь от явного греха, и давала им пищу и одежду, дабы они оставили прежнюю жизнь, хотя некоторые из них впоследствии всё же возвращались к греховной жизни.

Также она исполняла семь дел милосердия телесного: нагих одевала; алчущих и жаждущих велела наделять пищею и питием; болящих навещала самолично и приказывала заботиться о них; усопших предавала земле, выделяя всё необходимое на их похороны; платила по долгам неимущих и выкупала томящихся в темницах; наставляла погибающих в грехе, призывая их пребывать в добродетели; содержала приюты для странников и паломников; выкупала пленных, платя за них из своего достояния, а иным давая помощь, дабы они могли освободиться. И сии деяния она почитала своим первейшим долгом, откликаясь на всякую просьбу.

После сего она удалялась в свои покои и принималась молиться вместе с сестрами, вычитывая девятый час. Затем к ней приходили капелланы и клирики и совершали вечерню: по праздничным дням — соборным распевом, а в будни — тихо. Выслушав вечерню от клириков, королева еще вычитывала вечерние молитвы со своими сестрами. И столь сведуща она была в молитве и чтении, что если клирики во время службы ошибались в чтении или пении, она тут же поправляла их и наставляла, ибо сама прекрасно разумела и читала на латыни и на народном наречии.

По окончании вечерни, если день не был постным, она приступала к ужину; правда, большую часть дней недели она постилась. После ужина совершала повечерие и часы об усопших. Затем уединялась в своих покоях, а сестры расходились по кельям. И как свидетельствовали те, кто находился в ее покоях, большую часть ночи она проводила в богомыслии, молитве и чтении правил, зачастую поднимаясь со своей постели и ложась на другую, весьма грубую и жесткую.

Также она устроила две постоянные часовни в своих владениях — в Лейрии и Обидуше, оставив средства на их содержание. Когда жила она в своем городе Лейрии, содержала богадельню для бедных благородных женщин, кои прежде имели достаток, но впали в крайнюю нищету; там их наделяли пищей и одеждой.

Когда монастырь был завершен, она возблагодарила Бога за великую милость, явленную ей в этом мире, и решила, что земной путь её уже подходит к концу, и когда Его Милости будет угодно призвать её, она будет готова, ибо пришло её время. Она говаривала, что Господь наш позволил ей воочию увидеть то, о чем не слыхивала ни одна другая королева: великое множество королей и королев, с коими она была связана узами родства.

Ибо она видела короля дона Хайме, своего деда, который воспитывал её, будучи государем Арагона. А по кончине деда, короля дона Хайме, она видела дона Педро, своего отца, короля Арагона; и дона Хайме, своего дядю, короля Мальорки, брата отца; и дона Диниша, своего супруга, короля Португалии; и дона Санчо, своего двоюродного брата, короля Кастилии. Будучи же замужем за королем доном Динишем, она возвращалась в Арагон (хотя и не в Тарасону, как о том было сказано выше), где видела дона Хайме, своего брата, короля Арагона. После же кончины короля дона Диниша она видела в Португалии своего сына дона Афонсу. А после смерти короля дона Санчо она видела дона Фернандо, короля Кастилии, своего племянника и зятя. По смерти же короля дона Фернандо она видела своего внука дона Альфонсо, короля Кастилии и Леона, сына королевы доны Констансы, своей дочери.

Также она говорила, что видела многих королев: королеву дону Констансу, свою мать, и королеву дону Беатрис, свою свекровь; и королеву дону Виоланту Кастильскую, супругу короля Кастилии дона Альфонсо, сына короля дона Фернандо, того, кто отвоевал Севилью у мавров, — сия королева была её теткой, сестрой её отца. И видела она королеву дону Марию Кастильскую, супругу короля дона Санчо, своего двоюродного брата; и королеву дону Бланку Арагонскую, свою двоюродную сестру и супругу короля дона Хайме, своего брата; и королеву Мальорки, супругу короля дона Хайме, своего дяди. И видела упомянутую дону Констансу, свою дочь, королеву Кастилии и Леона, и королеву дону Марию, дочь короля дона Афонсу, своего сына. И видела она, как королева дона Мария стала королевой Кастилии, когда ее выдали по особому разрешению Папы Римского за короля дона Альфонсо Кастильского, также её внука. И видела королеву дону Беатрис Португальскую, супругу короля дона Афонсу, своего сына, которая была её племянницей, дочь двоюродного брата, и свою невестку. И видела она королеву дону Леонор Арагонскую, свою внучку, когда сия дон Леонор была ещё инфантой, до её замужества за королем доном Альфонсо Арагонским.

Множество иных королей и королев, состоявших с ней в родстве и свойстве, она не видела воочию, но обменивалась с ними грамотами и послами. Так, после смерти её отца, короля дона Педро, два её брата стали королями: она не застала их на престоле, но видела ещё инфантами в доме отца: дон Хайме и дон Фадрике, который именовался королем Сицилии. Королем Арагона стал её племянник дон Альфонсо, сын короля дона Хайме, её брата, а после смерти дона Альфонсо в Арагоне воцарился дон Педро, его сын, правивший в то время, когда сия королева окончила свои дни.

И во все время, что жила сия королева, не было среди христианских государств ни короля, ни королевы, происходивших из королевского рода, каковые не приходились бы ей родственниками. Так, в её время в Арагоне сменилось шесть королей, а в Кастилии — четыре: дон Альфонсо, царствовавший, когда сия королева прибыла в

Португалию, его сын дон Санчо, его внук дон Фернандо и его правнук дон Альфонсо, сын дон Фернандо и королевы доны Констансы, дочери сей королевы, который правил в Кастилии, когда сия королева окончила свой земной путь. В Португалии же сменилось три короля: дон Афонсу, отец короля дон Диниша, дон Диниш, её супруг, и дон Афонсу, её сын, правивший в Португалии, когда сия королева отошла к Господу. Король Франции дон Филипп, правивший в том государстве, когда она окончила свои дни, приходился ей племянником, будучи сыном её двоюродного брата; король Роберт был её троюродным братом; король Мальорки — племянником, сыном двоюродного брата; а король Англии — племянником. И так же многие иные христианские короли.

Проживая в Коимбре, королева застала великую скудость хлеба в стране, что позволило ей довести до конца начатые труды. В городе Коимбре один алкейре зерна стоил пятнадцать сольдо, а ведь мера сия была столь мала, что ее едва хватало на прокормление одного отрока в течение недели. Случился же сей голод в тысяча триста семьдесят первом году Испанской эры (1333 году от Р.Х.). Множество бедняков стекалось туда, и от своих щедрот она творила великие милостыни, раздавая хлеб и мясо. Но из-за крайней нужды многие мужчины и женщины, брошенные на произвол судьбы, умирали от голода.

Также она приказывала заботиться о тех, чья кончина становилась ей ведома: велела рыть для них могилы и ямы, оплачивала погребение, давала саваны и свечи. Она посылала клириков в странноприимные дома и в иные места, где умирали люди, дабы те совершали над усопшими отпевание по чину Святой Церкви и предавали их земле.

На памяти ныне живущих людей не было столь великого голода на земле, ибо от жестокой нужды мужчины и женщины щипали траву подобно скоту. Они ели мясо павших животных и иную пищу, каковую не подобает вкушать человеку.

В ту пору сия королева оказывала великое вспомоществование хлебом и деньгами многим страждущим — как беднякам, так и богатым, а также инокам и инокиням. Дошло до того, что некоторые из ее домочадцев стали укорять государыню, что она не сберегает для себя ничего из раздаваемого, ведь неизвестно, какие тяжелые времена грядут впереди.

Она же отвечала им, что сама погибнет, если не поможет тем, кто на ее глазах умирает от голода, всем, чем только сможет. Ибо если они погибнут от недостаточной помощи, вина за их смерть падет на нее; Господь же не оставит ее Своим попечением и пошлет ей всё необходимое.

Проживая в Коимбре, в тех самых покоях при монастыре, она получила весть, что король Португалии, ее сын, и король Кастилии, ее внук, готовы вступить в междоусобную войну. Известие о сей распре легло тяжким бременем на ее сердце. Она говорила, что те, кто сеет вражду между монархами, не питают к ним и малой доли той любви, какую имеет она. Не раз прилюдно она молила Бога смилостивиться и забрать ее из этой жизни прежде, чем она увидит их войну, ибо распря эта принесет великие беды.

Ибо монархи сии, связанные столь тесными и благими узами родства, должны были бы пуще прочих любить и поддерживать друг друга, не слушая клеветников. Война же принесет гибель множеству безвинных людей в их королевствах. Она говорила, что от сей смуты гордецы лишь возрадутся, а кроткие претерпят урон; слуги Божии исполнятся скорби и страха, прислужники же дьявола обретут веселье, богатство и

дерзость. Более того, короли уже не смогут с прежним тщанием вершить правосудие над злодеями — дело, коим они прежде столь благоугождали Богу.

Дабы отвратить монархов — сына и внука — от пагубной распри, королева решила сама отправиться туда, где они собирали войска. И хотя многие отговаривали ее от этого путешествия из-за сильного летнего зноя и из-за того, что в ее преклонные годы подобало искать покоя, а не трудов, она отвечала, что не может послужить Господу лучше, чем предотвратив столь великое кровопролитие и разорение.

Так она пустилась в путь. Добравшись до Эштремоша, королева занемогла из-за нарыва, что открылся у нее на руке. В один из дней, в понедельник, она уже не смогла покинуть свои покои, чтобы прослушать мессу вместе с королем, своим сыном. Королева донна Беатрис пришла к ней, утешала, ухаживала за ней и старалась всячески ее порадовать.

Когда святая королева лежала на одре, а донна Беатрис сидела подле нее, Исабель вдруг сказала невестке: «Дочь моя, государыня, уступите тотчас место сей Госпоже, что приближается к нам». Королева донна Беатрис удивилась: «Какой Госпоже?». Исабель ответила: «Той, что идет сюда в белых одеждах». Но ни донна Беатрис, ни другие присутствующие никого не видели. И они уразумели, что Сам Бог и Его Пречистая Матерь, Коей она преданно и благоговейно служила всю жизнь, послали ей утешение.

В тот же четверг ранним утром она вновь исповедалась и выслушала мессу. По окончании службы, собрав все свои силы, она без посторонней помощи вышла из покоев и преклонила колени перед алтарем, где служил ее духовник. И там, проливая обильные слезы, она с великим благоговением причастилась Тела Господня.

В тот же день после вечерни она беседовала с королем, своим сыном. Лекари, бывшие при ней, не предвидели ее скорой кончины. Она велела королю идти ужинать, но он ответил, что уже отужинал, и вышел из покоев вместе с лекарями. Но едва король остановился у дверей, как королева, попытавшись подняться, оперлась о ложе и лишилась чувств. Придворные подняли крик, король вбежал в покои, взял ее за руки и стал их целовать. Королева пришла в себя и заговорила с сыном об инфанте доне Леонор, своей внучке и дочери короля, которую она очень любила, и о прочих своих внуках.

Чувствуя приближение конца, она стала читать вслух: «*Maria, Mater gratiæ, Mater misericordiæ, tu me ab hoste protege, et in hora mortis suscipe*» («Мария, Матерь благодати, Матерь милосердия, от врага защити меня и в час смерти прими меня»). Затем она начала Апостольский Символ веры: «*Credo in Deum Patrem*» («Верую в Бога Отца»), а после него — «*Pater Noster*» («Отче наш») и иные молитвы.

Молясь так, она стала слабеть, и голос ее стих, так что слов уже было не разобрать. И с этими молитвами душа ее покинула тело, а глаза и уста закрылись сами собой, без чьей-либо помощи. Так Господь исполнил то, о чем она не раз Его просила: дабы в час ее кончины сын-король был рядом с ней.

Преставилась же она от сего мира в замке Эштремош в четвертый день июля тысяча триста семьдесят четвертого года Испанской эры (1336 года от Р.Х.).

Ко времени ее преставления здравствовали ее внуки: король Кастилии и инфант дон Педро, первенец и наследник короля Португалии, который находился в Эштремоше в

час ее кончины. А также воспитанная ею королева дона Мария Кастильская, королева дона Леонор Арагонская и инфанта дона Леонор, дочь короля Португалии. Были у нее и правнуки: инфант дон Педро, первенец и наследник короля Кастилии, а также инфанты дон Фернандо и дон Хуан, сыновья короля дона Альфонсо и королевы донны Леонор Арагонской.

В день ее кончины, затем ночью и на следующий день бывшие там прелаты совершали по ней заупокойные службы, а после них – все приготовления, дабы перевезти останки в монастырь святой Клары в Коимбре, куда покойная сама заповедала их доставить и где избрала для себя место упокоения. Однако некоторые советники убеждали короля предать ее земле в монастыре святого Франциска, что находился в Эштремоше, или же отвезти для погребения в кафедральный собор Эворы, отстоявший на шесть лиг от того места, где преставилась королева, а когда плоть обратится в прах, перенести останки в Коимбру. Давали же они сей совет оттого, что страшились тлетворного духа: боялись, что из-за сильной летней жары не смогут довести останки до основанной ею обители, ибо путь от Эштремоша до Коимбры составлял тридцать две лиги. К тому же хворала она всего четыре или пять дней и преставилась, не иссохнув от долгого недуга, но сохранив дебелость плоти. Другие же возражали, что ее надлежит везти именно туда, где она сама повелела устроить себе гробницу.

Тогда король, ее сын и душеприказчик, повелел везти останки в Коимбру. В следующую пятницу, на другой день после ее кончины, тело положили в гроб, и в тот же день после обеда пустились в путь. Бывшие там люди переговаривались, что из-за великого зноя и дальности пути мертвое тело станет источать столь сильный смрад, что никто из сопровождающих не осмелится и приблизиться к гробу, и что куда лучше было бы предать тело земле в Эворе, как о том уговаривались ранее.

Те же, кому поручено было охранять гроб, выступили в дорогу; и путь от Эштремоша до Коимбры по страшной жаре занял у них семь дней. В дороге гроб рассохся, и из него стали сочиться соки распадающейся плоти. Увидев сие, стражи решили, что им ни за что не довести ее до Коимбры, ибо верили, что смрад станет невыносимым, так что к гробу нельзя будет подойти. Но Господу нашему, желавшему показать, сколь благоугодно Ему было служение сей королевы в земном мире, угодно было сотворить чудо: вместо ожидаемого зловония от гроба стало исходить самое дивное благоухание, какое только ведомо людям. И всякий, кто приближался к гробу, говорил, что никогда не обонял столь благородного аромата.

Прелаты же, многие достойные мужи и благочестивые дамы, сопровождавшие усопшую, почитали за великое чудо, явленное Богом ради нее, что останки женщины, мертвой уже столько дней, источают не смрад, а лишь благоухание. Они возносили благодарения и хвалы Господу за то, что Он явил в сей королеве, всегда бывшей Его верной рабой: ее тело не источало зловония, как то положено по законам естества, но вопреки природе дивно благоухало, хотя гроб и дал щели.

При тряске те, кто шел рядом, слышали, как ее тело ударяется от стенки к стенке, и полагали, что оно уже все изломано и разбито; более того, сам гроб от ударов, что в порыве великой скорби и рыданий наносили по нему слуги усопшей королевы, во многих местах раскололся и разошелся.

И проделали они с тем телом путь в семь дней от Эштремоша до Коимбры по великой жаре и в весьма знойную погоду. А в тот день, когда они прибыли в Коимбру, останки были выставлены в церкви того монастыря, что она воздвигла.

Епископ Ламегу, ее душеприказчик, и прочие сопровождавшие, видя, что гроб разохся и открыт, а также слыша громкие стенания и плач множества людей, коим она оказала великие милости, а также жителей Коимбры и многих иных, порешили: в грядущую ночь, как только стражи и люди, бдевшие при теле в храме, уснут, переложить тело в гробницу, что уже была открыта и готова. А на том месте оставить пустой гроб, дабы люди не догадались, что тело было погребено под покровом ночи.

Дабы свершить задуманное, они избрали нескольких мужей, коим королева при жизни оказала многие милости, а также градоначальника и судей Коимбры. Ночью они затаились, выжидая часа, когда все люди уснут. Но Богу было угодно, чтобы сами сии избранные мужи погрузились в столь глубокий сон, что ни один из них не пробудился до самого белого дня. Так что не было у них времени свершить то, ради чего они остались, ибо уже пришли те, кому надлежало служить по королеве заупокойную службу.

В тот день множество клириков и иноков отслужили по ней мессы. Совершив чинно и благолепно все службы, избрали самых почитаемых мужей города Коимбры, дабы они отнесли гроб на тех же носилках, на коих его доставили из Эштремоша, из нижнего храма в верхнюю часовню, где была устроена гробница. И не было ни единого из тех, кто нес останки, на чьи руки и одежды не попала бы влага, сочившаяся из гроба. Покуда гроб несли наверх, сестры обители повелели внести его внутрь монастыря через врата, ибо они горько оплакивали королеву, чувствуя себя безмерно осиротевшими и обездоленными после ее кончины.

Среди тех инокинь была одна по имени Констанса Анеш, родом из Эворы. Она страдала от тяжкого недуга губ и десен: язва разъедала их так, что зубы ее вот-вот готовы были выпасть. И столь велика была ее боль, что она кричала в голос, мешая прочим сестрам. Преисполнившись веры, что Господь явит ей милость чрез останки сей королевы ради тех благих дел, что она совершала при жизни, инокиня приложилась к гробу тем самым больным местом. Когда же тело королевы вынесли оттуда и понесли в часовню, Констанса возвратилась к прочим сестрам и вдруг почувствовала, что боль утихла. Осмотрев ее губы, не нашли ни язвы, ни какого-либо иного повреждения, что причинял ей недуг.

Видя ее исцеление, все вознесли благодарение и хвалу Господу за великую милость. Ибо та, что еще в тот самый день мучилась от боли и кому не могли помочь никакие старания лекарей, в единый миг обрела исцеление и здоровье по милости, явленной через сию королеву. И сие было засвидетельствовано перед доном братом Салвадо, епископом Ламегу, и перед визитатором инокинь обители Святой Клары, а также сестрами, что знали, как мучилась та монахиня до прибытия останков королевы и замечали язву на ее устах, а затем увидели ее совершенно здоровой. В тот же день Мартином Афонсу, нотарием Коимбры, о том чуде был составлен официальный акт.

Когда же гроб опустили в могилу, те, кто нес их, стали дивиться меж собой великому чуду. Ибо тело это несли по страшной жаре, и минуло уже девять дней с тех пор, как душа покинула его, и гроб дал трещины, и сочилась влага, но при этом источал он столь дивное благоухание, что одним казалось, будто они идут сквозь розовые сады, другие же говорили, что никогда в жизни не обоняли столь прекрасного аромата. И все свидетели возносили хвалы Богу, удостоившему их узреть сию великую милость: мертвое женское тело, коему по законам естества надлежало источать смрад, вопреки природе благоухало. И об этом чуде также был составлен официальный акт Жоаном

Домингешем, нотарием Коимбры, который подписали все грамотные мужи из тех, что принесли останки к гробнице.

Когда тело было опущено в гробницу, и присутствующие вознамерились разойтись, стали разбирать носилки, на которых доставили гроб с останками королевы. И когда ломали те носилки, некий достойный горожанин Коимбры по имени Фернан Эштевеш, желая выбраться из толпы из-за великого множества собравшихся там людей, наступил ногой на гвоздь от тех носилок да так, что его едва смогли вытащить.

И он повредил ногу так, что, когда гвоздь вынули, не мог и двинуть ею. И стал он причитать: «О благая госпожа, иной награды чаял я за ту службу, что пришел сослужить вам, а не то, чтобы прийти сюда здоровым, а уйти калекой!». И взмолился он к ней с великим упованием и благоговением, дабы она испросила для него милость у Господа. И в тот же самый час он поднялся на ноги совершенно здоровым, и на ступне его не осталось и следа от раны. И о том был составлен официальный акт Жоаном Домингешем, нотарием Коимбры.

Также свидетельствовали и удостоверили под присягой Афонсу Мартинш, клирик епископа Ламегу, и Жоан Макуэйра, бывший постельничий упомянутой королевы, страдавшие от жестокой лихорадки. Они поведали, что подошли к гробу, в коем покоилась королева, и взмолились, дабы она испросила для них милость у Господа. И тотчас обрели они исцеление, и с той поры пребывали совершенно здоровы от сих недугов. И таково было их свидетельство и клятва перед упомянутым епископом Ламегу, как о том изложено в официальном акте, составленном Мартином Афонсу, нотарием Коимбры.

В доме упомянутой королевы жила кормилица, что растила дочь некоего рыцаря; звали же ее Мария Мигеш, и была она родом из Лейрии. С давних пор был у нее на правой руке крупный нарост. Она осталась в Коимбре с другими кормилицами, растившими рыцарских дочерей, что воспитывались в доме государыни, когда сама королева покинула город. И вот, когда останки королевы доставили в монастырь, они сидели за трапезой, вспоминая о праведной жизни почившей и рассуждая о том, сколь великой потерей стала ее кончина для многих. Другая же женщина по имени Мария Домингеш, что сопровождала королеву в Эштремоше, сказала ей: «Попроси, дабы она умолила Господа избавить тебя от нароста, что так уродует твою руку». И добавила та женщина: «Есть у меня плат, которым привязывали снадобья к руке королевы, и на нем осталась кровь, сочившаяся из того нарыва, что открылся у нее перед кончиной».

Сев за стол, они приложили ту ткань к наросту и обвязали ею руку. Поднявшись же после трапезы, они развязали руку и не нашли там ни нароста, ни даже следа того, что еще перед самым обедом Мария Мигеш видела на своей руке. И поскольку после трапезы они увидели ее руку совершенно чистой от сего недуга, она под клятвой на Святом Евангелии подтвердила, что все свершилось именно так. И о том имеется официальный акт, составленный Мартином Афонсу, нотарием Коимбры.

В ту пору, когда тело королевы доставили в Коимбру, жила в городе, в приходе Святого Христофора, женщина по имени Мария Мартинш. Она ослепла столь давно, что уже не могла различить ни белого, ни черного. У сей слепой женщины была сестра, которую звали Маргарита Мартинш, бывшая замужем за человеком по имени Пашкуал Лоренсу, и проживали они в том же приходе Святого Христофора. Услыхав, что Господь являет многие милости по предстательству упомянутой королевы, названные Пашкуал

Лоренсу и Маргариде Мартинш повели незрячую Марию Мартинш к гробнице, где покоилось тело государыни.

Когда слепая простерлась подле гробницы с останками королевы, моля Господа вернуть ей зрение ради сей государыни, что столь преданно служила Ему, она погрузилась в сон. Очнувшись же, она открыла один глаз и узрела гробницу и часовню, в коей та находилась. Сотворив молитву и возблагодарив Бога за столь великую милость, она возвратилась в жилище сестры и зятя, видя уже обоими глазами.

Узрев сие дивное чудо, зять и сестра вместе с упомянутой Марией Мартинш вознесли хвалу Имени Господню за великую милость, им дарованную. И предстали они перед доном братом Салвадо, епископом Ламегу. И под клятвой на Святом Евангелии подтвердили, что все произошло именно так. Сама вышеназванная Мартинш стояла там, и упомянутый епископ, и все присутствующие видели, что к ней вернулось зрение, а ведь в тех краях, где она жила, всем было доподлинно известно, что она с давних пор была слепа. И о том, как все сие произошло, было записано, удостоверено и доказано перед упомянутым епископом, о чем составлен официальный акт Мартином Афонсу, нотарием Коимбры.

Не минуло и тридцати дней со дня погребения останков королевы в том месте, как к гробнице пришла некая женщина из окрестностей Кондейши, из селения Сан-Финш, по имени Домингаш Домингеш, и была в ней пиявка. Лицо ее было желтым и иссохшим от мучений и вреда, каковые она претерпевала, нося в себе ту пиявку. Многие лекари и иные сведущие люди пытались извлечь ее своим искусством и наукой, но не смогли. Услыхав в своих краях о милостях, кои Господь являет многим через сию королеву, она пришла к гробнице. И когда она плакала подле нее в присутствии мужчин и женщин из числа придворных почившей государыни, стоявших там и слушавших службу по усопшей, женщина та вдруг внятно сказала, что пиявка подобралась к ее губам.

Один же свечник королевы, присматривавший за свечами, увидев пиявку у ее губ, схватил ее щипцами, но не смог вытащить, и та вновь скрылась во рту. Но тотчас же на глазах у всех присутствующих пиявка та вышла через ноздрю и упала наземь. Видя это, множество собравшихся там людей вознесли благодарения Богу, позволившем им свидетелями столь дивного чуда. И о том, как всё сие произошло, имеется официальный акт, составленный рукой Мартина Афонсу, нотариуса Коимбры.

В том же монастыре была одна инокиня, которая в ту пору, когда тело королевы доставили в обитель, страдала от тяжкого недуга в коленях, так что не могла и двинуться. Она свидетельствовала перед упомянутым епископом Ламегу и перед визитатором обители (который во имя святого послушания повелел ей говорить лишь правду, ничего не примышляя), что с великим благоговением молила сию королеву испросить для нее милость у Господа и святым своим предстательством исцелить от сего недуга, дабы она могла вместе с прочими сестрами ходить петь зауспокойные респонсории. И Господь явил ей столь великую милость чрез упомянутую государыню, что она тотчас обрела исцеление от своего недуга и с той поры пребывала совершенно здрава. И свидетельство сей инокини, а также прочих сестер обители, видевших ее болящей, а затем узревших совершенно здоровой, как она и утверждала, было записано в официальном акте, составленном Мартином Афонсу, нотариусом Коимбры.

В Сантарене жила женщина по имени Тарейжа Родригеш, проживавшая в приходе Святого Николая. Она была слепа и совершенно ничего не видела. Услыхав о милостях, кои Господь через сию королеву являет многим людям, она взмолилась, дабы та

испросила для нее милость у Господа и вернула свет очам ее; и обрела она зрение. И пришла она из города Сантарена в Коимбру босой, к тому самому месту, где находится гробница королевы. И о том под клятвой на Святом Евангелии подтвердила, что все свершилось именно так, как было сказано, и что Господь по предстательству королевы явил Свою милость многим в тех краях, где она жила. И о том, что сказала и что видела упомянутая Тарейжа Родригеш, составлен официальный акт Мартином Афонсу, нотарием Коимбры.

Дон Эштеван Гонсалвеш Лейтан, магистр рыцарского ордена Христа в Португалии, был ранен в руку. От той раны рука его онемела и обессилела так, что он не мог ничего ею ни взять, ни удержать. Зная о святой жизни сей королевы, при чьем дворе он воспитывался, и о том, как преданно она служила Богу, он взмолился, дабы она испросила для него благодать исцеления у Господа, чтобы рука его не оставалась столь бесполезной и расслабленной.

И Господь явил ему столь великую милость, что с того самого часа, как он о том возмолился, он более не чувствовал боли в руке и совершенно исцелился. И сие было засвидетельствовано в Коимбре в первый день ноября тысяча триста семьдесят пятого года Испанской эры (1337 года от Р.Х.) под клятвой в том, что всё свершилось именно так, в присутствии градоначальника Коимбры, клириков, рыцарей и множества иных людей, поклявшихся, что сие есть истинная правда.

Близ Лиссабона, в обители, именуемой Шелаш, была инокиня, которую звали донна Маргарида. Она пришла навестить королеву, когда та пребывала в Лиссабоне; а была сия монахиня тяжело больна и весьма желта лицом. Королева спросила ее, от какого недуга она так пожелтела. И та ответила, что у нее большая опухоль во чреве. Королева осенила ее крестным знаменем и возложила на то место руку. Возвратившись же в свой монастырь, та почувствовала, что исцелена; и не было у нее ни опухоли, ни боли.

И о том, как все сие произошло, дала свидетельство под клятвой на Святом Евангелии Уррака Вашкеш, благочестивая дама из Сантарена, которая никогда не выходила замуж и сохранила девство ради Господа. За ее праведную жизнь и благоразумие королева весьма доверяла ей и поверяла свои тайны; о чем составлен официальный акт Мигелом Мартиншем, нотарием Сантарена. И таковое же свидетельство дали инокини того монастыря Шелаш.

Королева (как о том было написано) каждый год в день Вечери Господней омывала ноги избранным бедным женщинам. И случилось так, еще при жизни короля донна Диниша, что пришла к ней среди прочих женщина, чья нога была столь изъедена гниющей язвой, что пальцы вот-вот готовы были отпасть. Бедняжка устыдилась и хотела опустить в лохань лишь одну здоровую ногу, скрывая ту, что была поражена недугом.

Омыв одну ногу, королева ласково сказала ей: «Подруга, опусти в лохань и другую». Нищая же ответила: «Государыня, она не годится для омовения». Тогда королева повелела упомянутой Урраке Вашкеш опустить больную ногу в воду. И Уррака исполнила сие. Впоследствии она рассказывала, что, увидев столь жестоко изъеденную ногу бедняжки, она и другие женщины, приносящие воду для омовения, содрогнулись от отвращения и отпрянули. Королева же омыла ту ногу без малейшей брезгливости, действуя весьма бережно, дабы не причинить страдальце боли. И, отерев ее полотенцами, государыня поцеловала ту самую гниющую язву.

Вкусив там предложенной пищи, бедняжка возвратилась в свое убогое жилище и обнаружила, что нога ее совершенно исцелилась. Она поведала, что с того самого мгновения, как королева облобызала ее язву, она более не чувствовала боли. И сие подтвердили под клятвой на Святом Евангелии упомянутая Уррака Вашкеш и донна Каталина, мать донна Лоренсу, епископа Саламанки, кои видели ту женщину страждущей от тяжкого недуга, а затем узрели ее совершенно исцеленной.

В один из дней Великого поста, а именно в Великую Пятницу, королева, желая явить милосердие прокаженным, тайно привела их в свои покои в Сантарене. Дабы сотворить ради любви Божией сию милостыню и благочестивое дело, она самолично прислуживала им за трапезой.

Когда же нищих выводили из дворца, один из них, будучи весьма слаб и болен, не смог удалиться так же поспешно, как прочие, и отстал. Некий привратник, не ведавший о тайном деле королевы, наткнулся на него и жестоко ударил палкой по голове, молвив, что прокаженному не место во дворце государыни. Уррака Вашкеш, знавшая, ради чего приходил тот прокаженный, увидев льющуюся из его головы кровь, сжалилась над ним и поведала о том королеве. Государыня велела этой даме отвести несчастного в свое жилище, что та и исполнила.

Как только он оказался там, королева пришла его навестить. Собственными руками она возложила на рану яичный белок и велела дать ему денег на лечение и уход, после чего удалилась. На следующий день, поскольку прокаженный казался раненым тяжело, королева послала узнать, как ему можется. Посланные обнаружили, что он совершенно здоров и исцелился от раны. Прокаженный поведал, что с того часа, как королева позаботилась о его ране, та перестала болеть, а осмотрев ее, он обнаружил, что рана закрылась и зажила. Обо всем этом под клятвой на Святом Евангелии засвидетельствовала упомянутая Уррака Вашкеш, будучи вопрошаема епископом Лиссабона.

Уррака Вашкеш подтвердила под клятвой на Святом Евангелии, что в ту пору, когда король дон Диниш и сия королева отправились в Каштелу-Родригу навестить королеву Кастилии дону Констансу, свою дочь, после кончины короля донна Фернандо, у нее долгое время была тяжкая болезнь, которая раз за разом к ней возвращалась. И когда недуг приступал, она лишалась способности есть и говорить и впадала в такое беспамятство, что ей связывали руки и ноги веревками. Лекарши давали ей снадобья, но не могли исцелить ее от сего недуга.

Когда же Уррака Вашкеш очнулась от приступа, королева пришла навестить ее. И та, зная, что сия государыня непрестанно пребывает в служении Богу, взмолилась: «Государыня, испросите для меня милость у Господа, дабы Он исцелил меня от сей болезни, либо же забрал из этого мира, чтобы мне более не претерпевать столь ужасные муки и такой стыд». И Уррака поведала, что королева, сжалившись над ней, сотворила молитву Господу, возложила ей руку на голову и осенила ее тело крестным знаменем. И она обрела такое исцеление, что с той поры более никогда не испытывала того недуга, хотя прежде он возвращался к ней весьма часто.

Когда сия королева держала путь из Коимбры в город Порту, в местечке, именуемом Аррифана, к ней на дорогу вышла некая женщина. Она взмолилась о милости, прося королеву возложить руки на глаза ее юной дочери, которая, по ее словам, была слепа от рождения. Королева возложила руки на очи девицы. Когда же государыня возвращалась через то же место, та женщина вновь вышла к ней вместе с дочерью,

костей Господь уже даровал зрение, и показала ее. Королева же строго повелела ей молчать и никому о том не рассказывать. А дабы они хранили молчание, повелела одарить мать и дочь одеждой.

Сие видели и при сем присутствовали многие люди из свиты королевы. Им было доподлинно известно, что девица та была слепорожденной и что она прозрела в тот самый день, когда королева возложила на нее руки. Государыня же при жизни своей никогда не позволяла, чтобы ей об этом говорили.

В Коимбре жил регулярный каноник монастыря Святого Георгия по имени Афонсу Фернандеш. Он повелел привезти свою мать к гробнице сей королевы; и прибыла она к тому месту слепой, а удалилась оттуда прозревшей. И чудо сие стало доподлинно известно всем в городе Коимбре.

К той гробнице стекается множество людей: одни страдают от четырехдневной лихорадки в зимнюю пору, другие мучаются от иных тяжелых недугов, а иные одержимы бесом. И уходят они оттуда совершенно исцеленными. Так что слишком долго было бы перечислять все милости, каковые Господь являет многим через сию королеву. И все, кто знал ее при жизни, твердо веруют, что она воистину стяжала сию благодать у Господа.

В местечке Тавейру, близ Коимбры, жила женщина. Был у нее сын, который столь давно покинул отчий дом, что она не ведала, жив он или мертв. Она взмолилась к сей королеве, прося, чтобы, если он жив, она испросила для нее милость у Господа повидать его прежде, чем придет ее смертный час. Сын же ее проживал вдалеке от тех мест, добрых лигах в тридцати. Впоследствии он рассказывал, что внезапно его охватила столь неборимая тревога и тяга вернуться, что ему казалось, будто он попросту задохнется, если задержится там хоть на миг. И не минуло и восьми дней с тех пор, как мать вознесла свою мольбу к королеве, как он уже стоял на пороге отчего дома. Мать же, видя ту великую милость, какую Господь даровал ей, тосковавшей по сыну, вернув его в родной дом, отправилась вместе с ним к тому месту, где погребено тело королевы. Там они вознесли благодарения Богу за милость, которую, как женщина доподлинно знала, Господь явил ей по предстательству сей святой королевы.

В Эворе, в доме купца Бенту Переша, лежал один из его слуг, тяжело страдающий из-за пиявки, которая вот уже пятнадцать дней сидела у него в горле и которую не могли извлечь. Горло его распухло так сильно, что уже два дня он не мог ни говорить, ни есть, и все полагали, что в тот самый день он непременно умрет. Для него уже приготовили саван и свечи, дабы предать его земле.

В ту пору Жоан Анеш де Коруше, главный постельничий короля, пришел навестить Лопу Эштеवेशа Гайана, жившего по соседству с названным Бенту Перешем, где лежал этот болящий. Увидев множество собравшегося люда, он спросил, что стряслось. Ему поведали о тяжело болящем человеке. И тогда названный Жоан Анеш сказал, что если бы сей муж успел дать обет королеве доне Исабели совершить паломничество к месту ее упокоения, то Господь явил бы ему милость ради нее.

Болящий же лежал с закатившимися глазами, и все думали, что он вот-вот испустит дух. Бывшие там женщины приблизились к нему, окликнули по имени и велели поручить себя заступничеству королевы доны Исабели, дабы Господь явил ему милость ради нее. И он с великим благоговением воздел руки к небесам. В тот же самый час он начал кашлять и харкать кровью. Ему приподняли голову, и он изверг из

себя сгустки запекшейся крови вместе с той самой пиявкой, и в тот же день к нему вернулся дар речи. А Эштеван Мартинш Ольюш де Гавиан, отец упомянутого Лопу Эштеवेशа, благоговейно подобрал ту пиявку шелковым платком.

Случилось так, что аббат монастыря Алкобаса держал одного из своих монахов заточенным в весьма темной башне, где тот томился уже четыре года. Племянник же сего инок, уроженец Сантарена по имени Руй Мартинш, приложил великие труды и умолял многих знатных господ выволить дядю из узилища, но так ничего и не добился. Услышав же о том, что Господь являет многие милости через сию королеву, он пришел вознести к ней мольбу, а также передал узнику-монаху, дабы и тот молил ее испросить для него у Бога благодать выйти живым из той темницы. И была сия мольба вознесена в марте тысяча триста семьдесят третьего года Испанской эры (1335 года от Р.Х.), а в семнадцатый день того же месяца Господь выволил его из заточения; и названный племянник привел его к тому месту, где находилась гробница упомянутой королевы, принеся свои благодарственные дары. И обо всем этом, как стало доподлинно известно под клятвой на Святом Евангелии, составлен официальный акт Марином Эштевешем, нотарием Коимбры.

В тысяча четыреста двадцатом году эры Цезаря (1382 году от Р.Х.), в восемнадцатый день апреля, прибыла в монастырь Святой Клары в Коимбре некая женщина, по ее словам, уроженка Ламегу, тяжело страдавшая от беснования. Она поведала, что в ней обитало столько бесов, сколько дней в году, но благодаря множеству паломничеств, что она совершила по Португалии и Кастилии, все они покинули ее. Осталось лишь семеро нечистых, которые заявили, что выйдут из нее только в часовне, где покоится тело святой королевы доны Исабели.

Ее сопровождали двое братьев-францисканцев, бывших ей сродниками, а именно два родных брата родом из Сантарена: одного звали брат Франсишку, а другого — брат Эштеван. Прибыли они в часовню, где покоилось тело сей святой королевы. И провели там ту ночь названные братья вместе со множеством мужчин и женщин, живших при обители Святой Клары и в тех палатах, что возвела королева при жизни. Среди них были привратник по имени Жоан из Порту, и его жена, которую звали Маргарида Афонсу, и некая Маринья из Пенелы с дочерью, а также Гонсалу Лоренсу, прокуратор монастыря, Домингуш Анеш, монастырский служка, Мигел Домингеш, смотритель богадельни, и многие иные, кто сопровождал сию страдальицу ради любви Божией и из сердечного сострадания к ней.

Когда же настало утро, враги рода человеческого набросились на женщину, как то было у них в обычае, но тотчас же дали зримое знамение своего исхода, явив его на руках тех братьев-францисканцев в присутствии всех этих свидетелей и многих иных, чьи имена здесь не названы. Тотчас призвали аббатису дону Беатрис Пиментел вместе со всеми ее монахинями, дабы узрели они сие чудо и дивное знамение, каковое Бог сотворил с той женщиной по предстательству сей святой королевы, изгнав семь бесов из тела несчастной грешницы. Да будут Богу благодарения и хвалы.

Иное чудо сотворила сия святая и благословенная королева в тысяча четыреста тридцать восьмом году Испанской эры (1400 году от Р.Х.), в пятнадцатый день сентября. У одной юной монахини на правой ладони появился губчатый нарост величиной с половину боба. Он причинял ей сильную боль и приносил великое страдание и помеху руке. Инокиня вручила себя заступничеству сей святой королевы, принеся ей в дар восковую руку. И было то доподлинно удостоверено и доказано перед аббатисой доной Каталиной и всеми сестрами обители: не минуло и двадцати дней, как

тот нарост почернел на ладони, будто смола, и отпал. Девица же даже не заметила и не почувствовала, в какое мгновение он сошел. Да будут Богу благодарения и хвалы за сие чудо и за множество иных, кои Господь сотворил и каждодневно творит по заслугам сей благословенной святой королевы.

(Приписка более позднего переписчика)

Множество иных чудес записано в ее житии, которое повелели напечатать попечители братства, и о них можно в нем прочесть; а иные чудеса доселе сокровенно свершаются в наши времена среди людей почтенных и известных своим благоговением к сей святой королеве.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**